

№ 16.10.81 2-1с

На №

IN LIBERTY

Мы здесь
живем

Анатолий
Марченко

Новая история

ОДЕ

нный 4 се
его распо
наказания,
, дело нап
сационном

1. Кол

года
ного
кат
нный
Марч
Заме
обла

Анатолий Тихонович Марченко
Мы здесь живем.
В 3-х томах. Том 3
Серия «Новая история»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39433144

*Мы здесь живем: В 3 т. Т. 3: Мы здесь живем; Последний срок
Анатолия Марченко в документах; Публицистика; Документы разных
лет. / Марченко А.Т.: Новое издательство; Москва; 2018
ISBN 978-5-98379-223-4, 978-5-98379-226-5*

Аннотация

Анатолий Марченко – один из самых авторитетных участников диссидентского движения, прошедший в лагерях и ссылках 18 лет и погибший после 117-дневной голодовки с требованием освободить всех политзаключенных в СССР. Настоящее издание объединяет автобиографическую прозу Марченко, в том числе книги «Мои показания», «От Тарусы до Чуны», «Живи как все» и никогда не публиковавшиеся тексты, найденные в архивах КГБ, политическую публицистику и документы, раскрывающие механику противостояния человека и государства в позднем СССР.

Содержание

Мы здесь живем	5
Сортирная сюита	6
Квартирный вопрос	20
Тихая пристань	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Анатолий Марченко

Мы здесь живем. Том

3. Последний срок

Анатолия Марченко в

документах. Публицистика.

Документы разных лет

Серия «Новая история» выходит в рамках издательской
программы проекта InLiberty

Мы здесь живем

Идет один мимо выгребной ямы, видит – в ней кто-то барахтается по горло в дерьме. Прохожий протягивает ему палку:

– Хватайся, вылезай!

– Иди себе! Не видишь – я здесь живу.

Современный анекдот

Каждый гражданин СССР имеет право на жилище...

Конституция СССР

Мы, супруги Анатолий Марченко и Лариса Богораз, авторы и персонажи настоящего повествования, посвящаем его своим оппонентам – творцам Конституции СССР 1978 года, а также прочим авторским коллективам, создавшим законы, инструкции и постановления, вдохновившие нас на сей труд...

Сортирная сюита

Анатолій: Я родился «на квартире». Мои родители, поженившись, сняли себе комнату в частном доме. Я мало помню из того периода своей жизни, так как прожил там всего лишь до июня 1941 года. Помню хорошо своих «хозяев» – старика и старушку: его за чтением толстущей книги в кожаном переплете и с медными застежками (мои родители называли эту книгу «Библией»), ее все время лежащей в постели на высоченной деревянной кровати и с постоянной белой повязкой на голове.

Старик со старухой жили в большой проходной комнате, из которой были ходы в нашу комнату и во вторую такую же комнату, в которой жила семья сына хозяев. Ни молодых, ни их дочь я не помню, может, потому, что через их половину я не ползал и не ходил?

Зато до сих пор храню в памяти одну ночь – последнюю ночь сына в доме родителей. Проснулся я от чего-то поздно ночью. Мои родители не спали, в комнате горел свет. Они о чем-то шептались тревожно между собой, не замечая, что я не сплю и слежу за ними. Из комнат хозяев слышались приглушенные голоса и женские всхлипывания.

Утром следующего дня я бы ничего и не вспомнил из прошлой ночи, если бы не убитый вид поднявшейся на ноги бабушки-хозяйки и не рев их снохи. Впервые я услышал сло-

во «арест». Забрали сына наших хозяев – дядю Мишу. Уже взрослым я узнал причину его ареста и смерти на Колыме. Работал он машинистом на паровозе и, принимая состав для отправки на Запад, вслух высказался в том смысле, что, мол, Гитлеру не зерно с салом нужно было бы отправлять, а снаряды из пушек. Товарищи донесли и – срок. Через полгода, с началом войны, его снова таскают в лагере на следствие: откуда знал, что будет война? Довесок.

В июне 1941-го мой отец ушел на фронт. А нам с матерью за это дали комнату в коммунальной квартире. Дом был деревянный, двухэтажный. В двух его подъездах было восемь квартир – по четыре в каждом. Каждая квартира состояла из трех отдельных комнат. Вот и жили в каждой комнате по семье. Ни одна семья не имела там отдельной квартиры. Самая большая комната была в этом доме не более шестнадцати метров. Нас-то жило там вначале только двое: я да мать. Потом, правда, стало четверо – когда отец в сорок шестом вернулся с войны и у нас родился Борис. Но на такой же площади жили и семьи побольше нашей, по семь и более человек.

Нередко на этих пятнадцати – шестнадцати метрах проживали и две семьи: женился старший сын или выходила замуж старшая дочь, и старики с младшими теснились, давая жизненное пространство молодоженам. И, как всегда в таких случаях, очень скоро эта комната пополнялась новым поколением – с писком, ревом, пеленками, горшками. Частенько это кончалось маленьким гробиком. Вот средняя семья, со-

седи, которых я хорошо помню и по сей день всех до единого. Супруги дядя Витя и тетя Нюра Акимовы. Он вернулся с войны по окончании ее. Их старшие дети – Валя и Юрий – уже сами работали в паровозном депо слесарями, Галя была моей ровесницей, Люба года на два младше, самый же младший, Толик, был годоводок моему брату Борису – послевоенный выпуск.

Первой у Акимовых умерла Галя – от туберкулеза. За ней умерла от того же туберкулеза и тетя Нюра, потом дядя Витя. Из оставшихся им болели старшая Валя и Люба. В нашем доме было несколько семей с туберкулезниками. И я сейчас поражаюсь тому, как все мы не заразились тогда этой болезнью. Ведь в доме не было никаких удобств: ни канализации, ни водопровода, ни даже отдельных кухонь. На весь дом был рядом колодец с ручным воротом, и все ходили к нему за питьевой водой. В каждой квартире на три семьи маленькая кухонька, где была печь и кое-как помещались три кухонных столика. А во дворе стоял большой дощатый сарай – общий сортир. Дом наш был ведомственным, принадлежал железной дороге. Никого из начальства в нем не жилось. Жили здесь мазутники: паровозники да вагонники.

Обычная картина из того моего детства: отец возвратился из поездки, он грязный и пропитан мазутом так, что тот с него чуть не капает. У матери всегда на плите для него горячая вода. Переодевается он тут же. Если у нас находится кто из гостей или из родственников, то, чтоб отец мог пере-

одеться, мать берет с постели одеяло и, держа его в руках, как экран, перед отцом, приказывает присутствующим от-вернуться на время переодевания. Это если в комнате есть посторонняя женщина. Когда гость мужчина, то эта проце-дура считается излишней. Так было во всех семьях. Нам-то еще ничего, у нас один отец работал. А каково было, напри-мер, тем же Акимовым, если у них было три мазутника и к тому же еще и разного пола!

Мои родители мечтали о своем собственном домике, что-бы уйти из этого муравейника. Но на покупку дома нужны были деньги, а скопить их на отцовском заработке они не могли: его едва хватало на питание, протянуть от получки до получки. Безвыходность положения заставила отца решить-ся самому построить себе дом. Он выписал бесплатно от же-лезной дороги шлаку на дом и купил для этого цемент. Так что основной материал ему обошелся сравнительно дешево. Рабочие руки были свои: сам он мог быть и бетонщиком, и землекопом, плотником и столяром. В помощниках у него были мы с матерью: мне к тому времени уже было пятна-дцать лет, и копать землю, таскать и мешать раствор, пилить на пару с отцом я уже мог. Так, году в 1954-м мы и «въехали» в собственный дом. Был он размером пять метров на восемь: кухня и комната. И все это на четверых!

Мне пришлось пожить в родительском доме всего лишь год с небольшим. Мне не было еще восемнадцати, как я со-блазнился на самостоятельную жизнь и по комсомольской

путевке от Барабинского райкома комсомола поехал на строительство Новосибирской ГЭС. С этой поры жильем мне было место в общежитиях, гостиницах, домах колхозника. А попав потом в ГУЛАГ, я познал прелесть «отдельного спального места» на голых нарах, а иногда и просто на цементном полу у параша. До ГУЛАГа и в перерывах между посадками туда я имел несколько раз вольное жилище. Им были углы, а то и просто кровать в одной комнате вместе с хозяевами. В лучшем случае (Александров, 1967–1968 годы) стенами, отделявшими меня от хозяев, служили занавески, с воздушной звукоизоляцией.

На четвертом десятке жизни я обзавелся семьей. Обзавестись семьей у нас пока что (тьфу, тьфу, чтоб не сглазить!) не проблема. Как говорится, было б желание. Но как быть с жильем?! Так же отделяться от хозяев занавеской? Но ведь будут маленькие дети с писком, горшками, пеленками: ни один частник не пустит с таким приданым к себе на жительство. Это я уже знал наверняка. Где же выход? На квартиру или хотя бы на комнату от государства я не мог рассчитывать: настоящие советские люди и те стоят за этим в очередях по десять лет! А мне куда уж!

Но я считаю себя очень везучим в жизни. Мне действительно везет во всем. Повезло и на этот раз с жильем. Нашел я себе работу в Тарусском районе Калужской области в Петрищевском лесничестве. Меня приняли лесорубом в бригаду на лесозаготовку. Поселок лесничества находился около

деревни Петрищево, и в нем было несколько древних барачков, в которых жили рабочие лесничества. В одном из них освободилась квартира: кто-то из рабочих увольнялся и уезжал в другое место жить. Вот мне и предложили занять эту освободившуюся квартиру. Рад я был этому несказанно. Еще бы! Заиметь казенную квартиру ни с того ни с сего!

Осматривали мы это свалившееся нам как с неба жилье вдвоем с Ларисой. И никакие изъяны этого трущобного жилья не могли испортить нам нашего счастливого настроения. Что же все-таки за жилье отвалило мне родное государство?

Как я уже сказал, бараки здесь были древними: трухлявые стены, прогнившие полы, провалившиеся крыши. Электропроводка была настолько обветшалой, что районная электросеть уже несколько раз отключала поселок от электричества из-за опасности возникновения пожара. Но всякий раз лесничий ехал в Тарусу, с кем-то там выпивал, как-то замасливал-умасливал кого надо, и в поселке снова горел свет.

При осмотре квартиры мы с Ларисой подсчитали, что для того, чтоб хоть как-то привести это жилье в пригодное состояние, нам нужно и денег затратить, и дней десять хорошо поработать. Квартира состояла, как и у всех тут, из двух помещений: комнаты и кухни. Но обе эти половинки были большого размера: каждая метров по двенадцать. Вообще-то это была одна большая комната, в которой посредине стояла большая печь. Тонкая перегородочка из досок от стены до печки и разделяла ее пополам. Перегородка эта не была

сплошной до потолка, так что сверху комнаты не были изолированы. Стекол в окнах почти нет, пол весь в дырах, и ночью мы обнаружили, что здесь полно крыс. Они бегают по комнатам, шныряя из дырки в дырку. А еще они всю ночь беспрестанно бегали в стенах. Дело в том, что барак построен из толстого круглого леса. Снаружи он не оштукатурен, а изнутри обит сухой штукатуркой. Вот крысы и бегают по кругляку под штукатуркой. Когда я через несколько дней починил пол и заделал все крысиные лазы, то получил на улице выговор от соседки, живущей за стенкой: «Чего это ваши крысы к нам прибежали?» Прописаны они, что ли, по квартирам здесь?

Особенно пришлось повозиться мне в кухне с запечным углом. Там прежние жильцы зимой держали не то поросенка, не то теленка, и он был превращен в хлев. Потом я узнал, что здесь так заведено, что маленьких телят и поросят держат зимой в квартире.

А теперь о сортире. Где бы я ни жил, а сортирная проблема везде остра. Всякий раз, когда я менял место жительства на воле, мне приходилось заново решать эту проблему. Вот и здесь тоже. В первый же день я обошел весь поселок и нашел только одну будочку около конторы лесничества. Спросил у одного из аборигенов: «Как вы умудряетесь обходиться без сортиров?» – «Так лес ведь рядом!» – было мне ответом. «Ну а зимой как, неужели все тот же лес?» Оказывается, нет. Бегают в сараи к скотине. Лес... Летом ладно уж, может, и

привык бы. Но зимой! У меня скотины не будет.

И начал я ремонт именно с сортира. В первый же день вырыл яму под него за сараем, привез отходов с пилорамы и скоро стал обладателем единственного на весь поселок индивидуального сортира. Когда я начал его строить, на меня все местные смотрели как на чокнутого. Но как только сортир был готов, то все ребятишки стали бегать именно сюда. И не жалко мне было! Пусть себе пользуются в удовольствие. Но оказалось, что местные дети понятия не имеют о сортире. Они никогда его не видели, никто им про это не рассказывал, и по телевизору тоже не показывали. Поэтому они входили в новенькую будочку и делали свои дела прямо на пол. Приходилось чистить его ежедневно. Хоть вешай на сортир висячий замок!

И все же эти петрищевские ребятишки удачливей меня: я впервые увидел унитаз в Москве, когда освободился из Мордовии в 1966 году, то есть в двадцать восемь лет. Тогда же и там же я впервые увидел газовую плиту.

У нас в Барабинске в школах сортиры были – сараи в школьном дворе. Они делились на три отделения: «для мальчиков», «для девочек» и «для учителей». Но мужчины-учителя, как и сам директор В.П. Гладышев, бегали почему-то не в учительский сортир, а в «для мальчиков».

Вырастут петрищевские ребятишки до школы, и тогда еще неизвестно, какой будет сортир: типа моего барабинского или современный. В Тарусе не все школы еще имеют со-

временную канализацию. Это в 40 км от родины космонавтики – Калуги, и в 150 км от Москвы.

Именно в Петрищеве я вспомнил рассказ одного деревенского мужика в Барабинске. Бывший фронтовик рассказывал, как они, освободив на Кубани одну из станиц, на следующий день увидели странную картину. В каждом дворе хозяева ломали, матерясь и проклиная фашистов, маленькие будочки. Оказывается, немцы, заняв станицу и обнаружив, что здесь нет сортиров, в приказном порядке заставили всех сооружать их во дворах. Уже за одно это фашизм здесь был приговорен самой историей на смерть.

В Тарусе, в городке райцентра, меня в приказном порядке, по приговору суда городские власти тоже заставляли... нет, не строить сортир во дворе, а, наоборот, сломать его, уничтожить санузел.

Но об этом стоит рассказать подробно и по порядку.

Купили мы в Тарусе полдома. Одна комнатка и кухонька. Правда, под нашей половиной большой подвал. Он-то и соблазнил меня купить именно эту половину. С отцом вдвоем мы углубили подвал, пробили большое окно и получили солидное помещение – целых сорок метров. Решили мы здесь сделать кухню-столовую, кочегарку и санузел. Сами копали выгребную яму, рыли траншею, прокладывали трубы, устанавливали унитаз и ванну с раковинами.

Плохо, как и везде у нас, оказалось дело с водой. Вдоль

моего забора по улице Луначарского проходит нитка городского водопровода. И я обратился в горисполком с заявлением, в котором просил разрешения подсоединить мой дом к городскому водоснабжению. Мне отказали «ввиду нехватки воды для города». Да я и не ждал другого ответа: все мне говорили, что не разрешат. Правда, несколько домов на моей улице имели водопровод: два-три начальника да один сосед за взятку.

Ну, что ж, буду, как и большинство тарусян, таскать воду древним способом, на себе, на гостях, на жене. Я еще никогда не жил удобно, поэтому и не избалован. Но мне-то еще куда ни шло: мужик более или менее здоровый. А вот как-то таскать воду пенсионерам или инвалидам! Таруса стоит не на ровном месте, а на холмах да оврагах. Дороги не асфальтированы, и в распутицу весной и осенью пойти за водой рискованно и опасно. Мне, например, за водой нужно идти в гору и довольно круто, а с водой возвращаться под гору. Под ногами скользко так, что люди и без груза-то ходят с трудом и с опаской. Не раз я падал и порожняком, и с полными ведрами, когда ведра меня обгоняли и мне приходилось догонять их далеко внизу. Бывало, я так приземлялся, что без отдыха не решался на повторный штурм колонки. И домой не раз приходил вымокшим и вывозившимся в дорожной слякоти.

Я объездил почти всю страну, и везде с водой проблема. Таруса от Москвы в 150 километрах, Чуна в 5000 км, Кара-

баново в 120-ти. А положение в них одинаковое, во всех отношениях: с водой, с жильем, с продуктами...

В Тарусе и в Карабанове хоть колонки: добрался, нажал на рычаг и наполняй емкости. А в Чуне вот почему-то городские власти предпочитают рыть глубокие, метров по двадцать пять, колодцы и снабжать их ручным приводом – древним воротом. Каждое ведро воды дается трудом и потом. Зимой еще ничего, так как потребность в воде меньше, чем летом, когда вода необходима и на поливку огорода. Выстраивается очередь покрутить ворот. И тянут эту водичку люди домой, иногда очень далеко, кто на чем может: на коромысле, на тележке, на саночках, велосипеде или мотоцикле.

И ведь живем не в пустыне, а на реках, озерах.

Так что суждено мне в Тарусе таскать на себе воду не только на хозяйственные нужды, но и для сортира. И смирился я с этим. Да и что поделаешь: права не покачаешь, ведь в нашей Конституции пока что не гарантировано гражданам право на пользование водопроводом! Но я был доволен тем, что моя канализация работает безотказно и на приносной воде.

Но очень скоро отравили нам эту радость. Отравили именно те, кто должен бы был приветствовать строительство современных сортиров в городе вместо древних будок: городские власти во главе с самим председателем горисполкома Балыковым.

Сначала явился ко мне инспектор из районного санэпидем-надзора.

– Нам поступил сигнал, что вы незаконно построили канализацию. Я должен проверить, осмотреть.

– Что значит – незаконно?

– Без разрешения исполкома.

– А кто спрашивает на будку во дворе?

– Я пришел не спорить, а осмотреть и дать заключение.

Инспектор попросил меня открыть люк ямы и сам все осмотрел и обстукал арматуриной стены и пол ямы, проверил все в доме и во дворе.

– Все сделано правильно, и никаких нарушений норм и правил нет. – С этими словами он извинился и ушел. Я не придал этому визиту никакого значения, считая это обычной проверкой. И был доволен собой, что все сделал, как надо.

Но недели через две после этого ко мне во двор заявилась комиссия из горисполкома. Пришли они в мое отсутствие, когда дома была Лариса с Пашкой. Пришли и, не сказав ни слова, стали расхаживать по участку и все осматривать. Лариса их увидела в окно, вышла и спросила:

– Кто вы такие и почему без спросу хозяев здесь находитесь?

– Это комиссия исполкома, – ответил ей сам Балыков, – вам предписывается в месячный срок ликвидировать канализацию.

На вопрос «почему?» Балыков ответил: «Как незаконно построенную». На все остальные ее вопросы ответ был один: «Это решение исполкома, и вы обязаны подчиниться».

Уходя, они предупредили, что на днях пришлют почтой письменное извещение об этом решении исполкома.

И точно, скоро мы получили письмо, где мне и предлагалось в месячный срок ликвидировать выгребную яму. Здесь же предупреждали меня, что если я не сделаю этого, то вопрос будет решаться в судебном порядке.

Ломать у меня не поднялась бы рука. Строил сам, своими руками, на свои деньги, строил то, что давно должно быть в каждом доме. И на тебе! Нет уж, пусть сами и ломают, раз им не нравится.

Ровно через месяц опять комиссия в том же составе, и на этот раз я сам дома.

– Почему вы не выполняете решение исполкома? – спрашивает Балыков.

– Вы хоть объясните, почему я должен ломать современный санузел, а вместо него восстановить дворовую будку?

– Это решение исполкома, и вы обязаны подчиниться...

– Простите, – обращаюсь я к Балыкову, – у вас дома какой сортир?

– Это не имеет никакого отношения к вашему вопросу... – А через три дня я получил по почте решение тарусского суда: ликвидировать санузел в месячный срок, а в случае отказа выполнить это постановление суда все будет ликвидировано местными властями и за мой счет.

Что за чушь! Мой дом стоит на бугре между двух оврагов. Справа и слева на их склонах стоят будки-сортиры соседей.

Склоны очень круты, и содержимое сортиров растекается по ним и по дну оврагов. Вонь и мухи. Это норма. И я должен, нет, я обязан иметь именно это! И еще раз была у меня комиссия:

– Почему не подчиняетесь ни исполкому, ни суду?

– И не буду, не ждите.

– Лучше ломайте сами. Не то пришлем сюда из КПЗ бригаду «декабристов», и они так все сломают, что взвоете. И еще за ваш счет. Вам же хуже!

Моя сортирная тяжба с властями в Тарусе кончилась благодаря вмешательству в мою судьбу более высоких инстанций. По приговору Калужского суда меня отправили в ссылку на четыре года в Сибирь. А пока я там находился, в Тарусе власти снесли не только мой сортир, но и сам дом. Снесли под предлогом того, что на этом месте власти города решили что-то строить. Вопрос о моем жилье будет решен по возвращении меня из ссылки.

Квартирный вопрос

Лариса: За пятьдесят лет моей жизни мне никогда не приходилось жить под открытым небом: спать на скамейке в сквере, подстелив газету, или ютиться в какой-нибудь коробке из-под макарон (правду говоря, информацию о таком способе существования я почерпнула из газетных статей под рубрикой «В мире капитала»). Крыша над головой у меня была всегда – хотя и не было еще зафиксировано в Конституции право на жилище.

Родилась я в Харькове в коммунальной квартире; смутно припоминаю длинный коридор, много дверей, и одна из них – наша. Не знаю, была ли там коммунальная кухня: еду готовили на пороге комнаты на примусе, и от этого однажды случился пожар. Зато лет с трех и до семи я прожила в отдельной трехкомнатной квартире. Отец принадлежал к привилегированной категории советских работников, и ему отвалили положенный кус государственного пирога. Когда же отец получил жилплощадь в бараке воркутинского лагеря, оставшуюся семью – для равновесия – уплотнили, так что я опять, и уже навсегда, оказалась в коммуналке. Нам еще повезло, многие семьи тогда просто выбрасывали на улицу. Помню, в 1937–1938 годах, идя в школу, я каждое утро видела в подъездах кое-как сваленные узлы, а около них старуху или ребенка: они сторожат барахло, пока дееспособные

члены семьи ищут угол, куда бы приткнуться. У нас в квартире к этому времени поселили «чистую» семью, так что на наши коммунальные метры никто не позарился. Еще помню, при мне, считая, что я по малолетству ничего не пойму, моя мать и другая «жена врага народа» вели разговор: есть, мол, в Харькове прокурор такой-то, берет с женщин плату «натурой» за то, чтоб отстоять квартиру...

...В 1950 году, после смерти матери, я осталась владелицей комнаты в пятнадцать квадратных метров – богатая невеста. Пятиэтажный дом с удобствами в центре Харькова, в квартире, кроме меня, всего только одна семья. Но как раз это приданое оказалось фата-морганой: я выхожу замуж за москвича, а харьковскую жилплощадь обменять на московскую абсолютно невозможно. Муж с матерью имеют комнату в Москве, и я переезжаю к ним.

– Бросать квартиру?! Ты с ума сошла! – дружно запричитали все мои и мамины друзья.

– Но ее с собой не возьмешь ведь, – возражала я.

– Так продать!

– Она же не моя, казенная.

– С луны свалилась! Казенную-то и продать.

Мне нашли «покупателя» – это был очередник с семьей из пяти, не то шести человек. Уже больше года они числились первыми в городской очереди на жилье, но будут ждать еще и год, и два, и пять (а освобождающиеся комнаты будут уплывать «по благу»), если самочинно не займут свободную

площадь, и тогда она их по праву. «Покупатель» должен был уплатить мне пятьсот рублей (старыми деньгами) только за то, что поставит свои чемоданы у меня в комнате, пока я еще не сдала ключи, и останется в ней ночевать накануне моего отъезда. Я никак не могла решиться на такую сделку, и тогда отец моего друга, сосватавший мне «покупателя» (который, кстати, был его приятелем и сослуживцем), полностью взял на себя посредничество.

– Она еще раздумывает! У тебя же ни гроша за душой. И человека благодетельствуешь. Ты только своевременнопусти его в комнату.

Тем временем конкуренты не дремали. На мои пятнадцать метров метили соседи, вчетвером занимавшие остальные две комнаты в квартире. Раньше это была их квартира, но их – как остававшихся под оккупацией – уплотнили (как нас самих когда-то) нашей семьей. Не знаю, как они относились к немцам в 1941–1943 годах, а мы для них уж точно были оккупантами, захватчиками. В ожидании моего выселения соседка перестала выходить из дому и никого не впускала в квартиру. Выгнала на всякий случай даже моего мужа, которого отлично знала.

– Таких мужей тут навалом, каждый день новый! – Она правильно чувала опасность с моей стороны.

Во дворе мне на пути то и дело попадалась управдомша:

– Ларочка, как живешь? Муж уже уехал? Соседи не обижают? Ты смотри, комнату им не оставляй, фашистам

этим... Так когда ж ты в москвичи запишешься?

Соседи снизу, с четвертого этажа, сказали мне, чтоб я ни в коем случае не сообщала управдомше о дне отъезда: тесно живущая семья из флигеля уже дала ей взятку за мою имеющую освободиться комнату.

В этой борьбе сила была на моей стороне: пока я не выпи-салась, ключи у меня, а выписаться я должна в день отъезда, которого никто, кроме меня самой, заранее не знает. Если угодно, и право тоже было за мной, то есть за моим протеже: ведь его очередь первая во всем Харькове. Наше дело было правое (если не считать взятки мне ни за что), и мы победи-ли.

Мой отъезд из родного города был похож на финал дра-мы: вселившийся дядька плакал от счастья настоящими сле-зами, соседка не ответила мне на прощальное приветствие, а управдомша сказала – тоже со слезами:

– Такой пакости я от тебя, Лара, не ожидала.

Обещанной mzды я не получила, вернее, получила неко-торую толику. Сначала мой контрагент присылал в Москву по сто рублей, но после второго или третьего взноса прекра-тил выплаты. Мало ли трат у новосела!

С 1950 по 1959 год (с трехлетним перерывом в середи-не этого срока) мне, подобно Гаврошу, привелось жить в па-мятнике. Только наш памятник – дом на Маросейке, архи-тектурная достопримечательность Москвы – был кучно, гу-сто заселен. Люди в нем жили, как клопы; зато клопы, как

цари, были настоящими хозяевами положения. В те годы во всей Москве шла перманентная война между хаотическим, загнанным племенем жильцов и воинственно-организованным клопиным племенем. Люди одерживали временные победы днем, клопы побеждали в ночное время. Но в эпоху хрущевского градостроительства они, как римляне в период упадка, утратили витальную силу, не сумев освоить жизненные пространства новостроек. На смену оседлым клопам явились кочевые орды тараканов... 1950-е же годы в моих воспоминаниях окрашены в клопиный цвет, пахнут клопами, структурно организованы по клопиному образцу.

– ...Уважаемые гости столицы! Перед вами образец русского зодчества XVIII века – барский особняк, созданный знаменитым архитектором Баженовым. Здание венчает ряд небольших окошек под самой крышей...

Там, под крышей, гнездилась настоящая Воронья слободка. Замышленные Баженовым плавные кривые, выпукло-вогнутые сопряжения внутренних капитальных стен сочетались с самодельными засыпными перегородками, заколоченными наглухо дверьми, баррикадами из сундуков, шкафов, образуя в комплексе странные фигуры: секторы, сегменты, ромбы, трапеции и пентаграммы. За каждой переборкой жило по семье. Наша квартира в целом представляла подобие ромба с одной выпуклой стороной и загнутым углом, рассеченного на пять населенных фигур и геометрически неопределимый остаток – кухню и коридор в виде бук-

вы У (с сортиром в хвостике). Стало быть, пять семей; плюс еще две одинокие женщины сами по себе, которые жили в коридоре. Ванной комнаты не было, прихожей тоже – прямо с лестничной площадки вы попадали в кухню, единственное в квартире прямоугольное помещение, но зато без окон и почему-то со сводчатым потолком.

В трапециевидной комнате жило семейство Майзилей: муж – санпросветовский работник, жена – переводчица медицинской литературы со всех европейских языков, и дочь – студентка физфака МГУ. Семья Востоковых – мать-художница и дочь-архивист – занимала большую комнату, где три стены шли нормально, а четвертая делала загогулину. Комната Катковых (молодые супруги-инженеры и их маленький сын) имела очертания пузатеньких песочных часов; выемка у талии этих часов со стороны Ибрагимовых составляла выпуклую прибавку к их треугольной комнате, что было очень кстати, так как на двенадцати квадратных метрах их жило пятеро: муж (носильщик на вокзале), жена и трое детей. Нашей семье из трех (а вскоре четырех) человек досталась комната в виде половины арбузного ломтя – длинная, узкая, с закругленной стеной и о трех углах. Ширина ее метра два, а длина – восемь; свет из крохотного окошка в дальнем конце не доходит до двери у слияния двух длинных стен. Располагаться у нас надо вдоль стен, принимая соответствующую их изгибу форму. Зато при комнате есть кладовка, тоже трехстенная: одна стена метра в два, другая в полтора, а третья –

дуга выпуклостью внутрь, к нам. Здесь целых два окна; одно, явное, выходит на улицу, а другое, заколоченное и, должно быть, забытое, смотрит в недра здания, куда-то в нижние этажи, где квартирует таинственное номерное учреждение. Через это окошко к нам проникает стрекот учреждений пишущих машинок. Мы превратили кладовку в жилую комнату: спилили угол у пружинного матраса, втиснули его в треугольник, а внутреннее окно превратили в книжный шкаф. Здесь мы даже принимали гостей, которые в любом числе забирались на «тахту» с ногами, а падать им было некуда – стены со всех сторон. В дневное время кладовка служила балконом для прогуливания нашего младенца, а чтоб у него было в достатке свежего воздуха, мы ставили корыто с упакованным в одеяло ребенком на широкий подоконник (внизу под окном гудела одна из самых оживленных улиц московского центра).

Словом, у нашей семьи была наилучшая жилплощадь во всей квартире, с максимумом удобств. Ни у кого больше не было кладовки. И старик Майзиль мечтал: «При коммунизме нам дадут две комнаты! И Эллочка будет спать в столовой на диване».

Кроме семей, обладающих собственной площадью, в квартире жили две одинокие женщины, не имевшие не только своих комнат, но даже и своих столов на коммунальной кухне: заводская работница Маруся и детский врач Таисия Марковна. Готовят они, примостившись на углу чьего-ни-

будь стола, а спят в коридоре за шкафами, отгородившись занавесками от прочих жильцов и друг от друга. Маруся раньше была чьей-то домработницей в этой квартире и получила здесь прописку – но не жилплощадь; а как очутилась за занавеской Таисия Марковна, никто не помнит. Ей уже лет пятьдесят, но у нее ни семьи, ни кола, ни двора; она великолепный диагност, самоотверженный врач, в больнице ее очень ценят, но жилья не дают, а выбить, зубами вырвать жилплощадь в райжилотделе – таких способностей у нее нет. В квартире Таисию Марковну считают чудачкой и недолюбливают, хотя она лечит всех наших детишек.

Детей в квартире всего пятеро. Они путаются под ногами на кухне, блуждают по темным кривым коридорам, без стука входят в любую дверь, не признавая ни территориальных границ, ни права семейной собственности. Младшие с гулом пересчитывают головами неожиданные внутриквартирные ступеньки, восседают на горшках возле накрытых столов в комнатах, похожих на пещеры; старшие методом проб и ошибок осваивают гигиену коммунальной уборной.

С теплым чувством вспоминаю я нашу общую кухню в вечернее время. Две полные пожилые женщины величественного вида – Фелиция Лазаревна Майзиль и Наталия Дмитриевна Востокова – хлопчут у своих столов, переговариваясь по-французски или по-немецки. В лингвистическом симпозиуме спешит принять участие татарка Соня Ибрагимова:

– Лара, скажи «ирэм бирбирэм», – подначивает она меня,

кидая на горячую сковороду котлеты «из лошадки».

– Лара, не говори, нехороший слово, не говори, – вступает ее муж Володя.

– ...твою мать, я ничего плохой не сказал, чего мужской, чего женский, не сказал, – возражает Соня.

Наталия Дмитриевна, дочь царского полковника, воспитанница Смольного, настораживается, как боевой конь при звуке трубы:

– Соня, ты понимаешь значение этих слов?

И она принимается за объяснение. Мы, среднее поколение, слушаем смолянку, раскрыв рты от восторга: такого классического дореволюционного полкового мата не услышишь и в Доме литераторов...

Зажжены все шесть конфорок двух газовых плит, хозяйки поочередно наполняют кастрюли и чайники из единственного в квартире водопроводного крана, в корыте плещется чей-то ребенок, в другом углу взлетает пена от стирки, звучит французская речь вперемешку с татарской, обсуждаются преимущества конины перед камбалой и роман Дудинцева, происходит обмен опытом относительно самодеятельных абортот и сдачи экзаменов по марксизму-ленинизму, возникают ссоры из-за невынесенного помойного ведра и разногласия по поводу «прежней» цены на масло.

Однако в доме-памятнике невозможно просто так жить – стирать пеленки, варить щи, вести с соседями дружественные беседы или собачиться с ними. Параллельно стряпне

и стирке здесь должно происходить еще что-то романтическое, криволинейное, выпукло-вогнутое.

По квартире бродило привидение: девушка в белом являлась то в нашей комнате, то у Востоковых; она утихомирилась только после того, как в церкви отслужили молебен за упокой ее души. Тени чужих гусарских предков подзуживали нас с мужем на гусарские забавы: мы устраивали у себя в комнате (благо, длинная и стены крепостной мощи) стрелковые состязания из духового ружья, а затем перешли к прицельной стрельбе из окна по арбузам на уличном лотке, да и по арбузной очереди – не больно, но обидно. Когда же гусарство пришлось прекратить из-за воспитательного воздействия милиции, тогда на смену гусарам явились иные псевдоматериальные лица: в гости к Николаю Аржаку стал захаживать Абрам Терц.

В 1959 году номерной ящик, занимавший нижние этажи, куда-то перебазировался, дом вместе с жилыми антресолями отдали белорусскому постпредству, а всех жильцов расселили по новостройкам. Ибрагимовы получили трехкомнатную квартиру; Майзили, Востоковы и Катковы – по одной комнате в коммуналках (до коммунизма в это время оставалось еще двадцать лет – а, значит, и до столовой с диваном для уже тридцатилетней Элочки); Таисия Марковна получила наконец комнату – тоже, конечно, в коммуналке – за несколько лет до этого; Маруся оформила опеку над больной старухой и перешла жить к ней.

Нашей семье дали две смежных комнаты в нижнем этаже новехонького девятиэтажного дома на Ленинском проспекте. Квартира эта трехкомнатная, и в третьей комнате поселили старика-пенснера с еще более старой матерью. В новом доме с большими окнами, прямоугольными комнатами, с ванной и горячей водой (а лет через семь-восемь появился и телефон), с пустотными панелями и древесно-стружечными дверями – здесь не место было потусторонним девушкам в белом. Возможно, поэтому, а также чувствуя себя как дома среди семейной топонимики (вблизи нас на Ленинский проспект выходят улицы Крупской, Марии Ульяновой, Дмитрия Ульянова, только Александр Ульянов остался почему-то не при месте), к нашей неверующей старушке накануне смерти явилась во сне Надежда Константиновна. Вскоре после матери умер и сосед. В их небольшой комнатке (14 кв. метров) поселился молодой человек, проживший здесь лет восемь – сначала один, потом вдвоем с женой, потом еще с ребенком, потом с двумя. Женился и мой сын, и у него родился ребенок. В квартире стало кучнее, чем на Маросейке: в восьмиметровой кухне – два стола, два холодильника, четыре табуретки, над головами сохнут удвоенные комплекты пеленок-распашонок. В ванной комнате, где едва повернешься, – две детских ванночки, два бака с грязным бельем, две вешалки с полотенцами, две полки с туалетными принадлежностями и снова очередь, чтобы умыться...

За эти восемь лет молодой сосед Юра Лебедев окончил

институт, отслужил два года в армии, стал научным сотрудником в биологическом институте. Марина, его жена, тоже окончила институт и работала биохимиком. Обоим приходилось заниматься на кухне. Подрос их Андрюша, пошел в первый класс; на занятия он шел невыспавшимся: братик Алеша ночью спал беспокойно. Алеша часто хворал, и тогда в нашей квартире появлялись временные жильцы – мамы Юры и Марины. Малыш встал на ноги и научился прямохождению на тахте, потому что в их комнатенке уж совсем стало не повернуться.

Лебедевы чуть не все восемь лет стояли в очереди на получение квартиры. Очередь двигалась медленно, им обещали жилье году в 1978-м; они терпеливо ждали. Но однажды вечером я увидела Маринину маму заплаканной: райжилотдел сообщил очередникам, что в связи с проведением Олимпиады в Москве сокращается жилищное строительство и выделение квартир отодвигается на год-два. А они-то Алешку завели уже!

Ну, поплакала мама, и снова стали ждать. И вдруг неожиданное счастье – институт получает несколько квартир в ведомственном доме, и одну из них дают Юре. Снова Маринина мама плакала на кухне: «Нет, я не верю, этого не может быть, чтобы моя дочь жила в отдельной квартире!»

Однако осенью 1977-го Лебедевы переселились.

Ныне в этой комнатке живет третье поколение соседей: на этот раз молодая одинокая девушка. Года четыре до это-

го она мыкалась по частным квартирам, имела «койку» в рабочем общежитии, и вот на ее счастье общежитие пошло на снос. Наташа – как я когда-то – стала обладательницей собственной жилплощади в те же четырнадцать квадратных метров и вот уже два года не может нарадоваться своему углу, горячей воде, ванной и прочим благам. Она радуется, а я – увы! – методом индукции вычисляю ожидающее ее светлое будущее: выйдет замуж, родит ребенка, в уютной комнатке появится детская кроватка, коридор снова перегородит коляска, потом санки, потом лыжи; а потом, много лет спустя, как высший дар небес, РАЙжилотдел даст ей квартиру. И ее дети наконец «будут спать в столовой на диване».

Граждане страны Желтого Дьявола, жители Гарлема! Парижские интеллектуалы, гамбургские докеры! Братья по разуму! Живали ль вы в коммуналках – по комнате на семью? Ах, не живали? Как же вы тогда надеетесь понять загадочную русскую душу?

Эта душа – нараспашку: каждый видит, что варится у соседа в кастрюле, какие трусы носит его жена (после стирки они висят на веревке в кухне), сколько раз ходит в сортир его теща и какие парни запираются в ванной с его дочкой. Здесь, в коммуналке, осваиваются принципы мирного сосуществования и методы холодной войны.

Мне-то с коммуналками повезло. В квартире на Маросейке правилом были добрососедские отношения дружбы и взаимопомощи, а колорит ее обогащал душу и умножал разно-

образные познания – как в кулинарии, так и в лингвистике. Но и при других, более прохладных отношениях, дошедших, например, в Харькове до территориального конфликта, – никогда мы не подсыпали друг другу синьку в бульон, не пристегивали висячими замками крышки к своим кастрюлям, не травили соседских кошек, не вымеряли линейкой соседские кухонные столы и не требовали через суд спилить лишние сантиметры. А многие мои друзья жили на осадном положении, видывали и бирюзовых цыплят в своем супе, и кухонные драки, привлекались к «товарищескому» суду и бывали ответчиками по соседским доносам, вступали во внутриквартирные коалиции и бывали вероломно обмануты и преданы вчерашними союзниками...

Разве не чувствуется в государственном и международном масштабе школа, выучка и закалка советского коммунального бытия?

Тихая пристань

Полтора года назад, осенью 1978 года, мы снова, в который уже раз, оказались без крова и должны были искать себе жилье.

Сочувствующий читатель, вероятно, тут же представит себе жалобную картинку: «Вечер был, сверкали звезды, на дворе мороз трещал» и так далее. Немолодые муж и жена с пятилетним ребенком тащатся по улицам города, с тоской глядя на чужие освещенные окна. Им придется ночевать на скамейке в городском парке (на вокзале; под мостом; и т. п.).

Неверно! Дело обстоит не так трагично и гораздо менее вразумительно, чем вы вообразили. В Москве, на Ленинском проспекте, в благоустроенном доме имеется жилплощадь, владелицей которой является Лариса Богораз («в дальнейшем именуемая „квартиросъемщик“» – то есть, стало быть, жилплощадь эта государственная и принадлежит Ларисе «на правах найма»). Там горит свет, из кранов течет горячая вода, кипит на плите чайник и теплые постели ждут хозяев.

Но не всех.

Лариса Богораз и ее сын могут лечь спать в свои постели. Более того, если Ларисе вздумается оставить на ночлег кого-нибудь из своих московских знакомых, никто ее не осудит, разве только ханжи. Но если на жилплощади Ларисы, именуемой «квартиросъемщик», проведет ночь ее собствен-

ный законный супруг Анатолий Марченко – их обоих осудит милиция. Осудит советский закон («по которому – как известно – радость приходит»).

Потому что Анатолий Марченко не прописан в Москве. А не прописан потому, что милиция отказывает ему в прописке. Милиция же отказывает на основании «Положения о паспортах», а что написано в этом «Положении», нам неизвестно, потому что оно частично секретное; зато известно, что за нарушение «Положения», то есть проживание без прописки хотя бы и у жены, полагается лагерный срок...

«Проживание» в обратном порядке, то есть жены у мужа, в данном случае тоже неосуществимо – хотя бы потому, что у мужа как раз нет этой самой жилплощади.

Так что, хоть и есть у нас две комнаты на Ленинском проспекте, жить нашей семье все-таки нигде.

До ссылки Анатолия в Сибирь у нас был собственный дом в Тарусе на Оке, там мы и жили. За время ссылки – три с половиной года – местные власти снесли этот дом, чтобы возвести на его месте комбинат бытового обслуживания жителей: ну там, должно быть, ремонт часов и башмаков, какие-нибудь фотосъемки на фоне натуральных зарослей сирени, общественную уборную с пипифаксом, может быть... Вместо своего дома мы увидели развороченные камни фундамента, переломанные кусты сирени и жасмина; там, где была калитка, уцелела посаженная нами рябинка. Больно было на это

смотреть¹.

Даже камерный грабитель, отняв у вас новехонький свитер и ботинки на коже, кинет вам какой-нибудь драный бушлат «на сменку»: так у них принято. Тарусский горсовет предложил нам компенсацию «за причиненный ущерб» – две с половиной тысячи рублей (это что-то между четвертью и третью реальной стоимости снесенного дома); или же горсовет предоставлял Анатолию казенную однокомнатную квартиру вне очереди, но за это надо было отказаться от денежной компенсации. Вместо трех комнат в своем доме – одна в казенном, без водопровода, без канализации; ни сада, ни огорода. Знакомый принцип: на тебе лагерный бушлат взамен добротной твоей одежды и катись, еще спасибо скажи, что голым не оставили! И все же...

Лариса: Дают – бери! Хоть будет крыша над головой. И прописать в Тарусе должны без осложнений.

Анатолий: Ей-богу, возьмем лучше «сухим пайком» – деньгами! За две тысячи мы хоть собачью будку купим, развалюху последнюю, все лучше, чем этот их коммунальный склеп «с удобствами по среднерайонным нормам» – на двадцать четыре семьи три очка в дворовой будке. Руки свои, не казенные; любую хибару надстроим, перестроим, благоустроим, будем жить по-человечески. Казенную ж квартиру

¹ Эти развалины до сих пор украшают Тарусу наподобие местного Колизея. Надо думать, горожане нашли им соответствующее применение, поскольку общественный ватерклозет все еще не оборудован.

не расширишь, не улучшишь, не переделаешь, ты в ней не хозяин.

Лариса: Зато прописка обеспечена...

Анатолий: Ага, прописка; зато и выписка также. Если завтра меня посадят – квартиру отберут, и все. Ни денег, ни жилья. А если я работы в Тарусе не найду? Свой дом – в одном месте продали, в другом купили; а квартир для меня по городам и весям не припасено...

Взяли мы денежную компенсацию, и Анатолий отправился искать подходящий дом по ближним к Московской областям (в Московской, как и в самой Москве, нельзя – не пропишут). В Тарусе с нашими деньгами нечего было и рассчитывать купить, стало быть, надо было искать, где дома подешевле. Но и под Рязанью, и за Рязанью, и в Калужской области, и в Тверской – везде за дом просили немислимую для нас цену: десять тысяч, двенадцать и более того; самые захудалые стоили не менее пяти тысяч. Анатолий пешком добирался до дальних деревень – там дома были недорогие, но чтоб их купить, требовалось вступить в колхоз. Месяц поисков не дал результатов, оставалось еще проехать по Ярославскому направлению...

Базой Анатолию служило московское жилье: здесь жили Лариса с сыном. Но была эта база вроде партизанского лагеря на оккупированной территории, пробираться на нее и обратно следовало тайком, чтобы не быть замеченным милиционером (который, на беду, живет в том же подъезде).

Анатолий приходил раз в три-четыре дня, всегда поздно вечером, а уходил на рассвете, затемно, и то не в дверь, а в окно. И все же, несмотря на эти предосторожности, в первую же неделю милиционер подстерег его и составил акт «о нарушении паспортных правил».

...Авторы испытывают крайнюю неуверенность: сумеют ли они, не обладая талантом Кафки, описать абсурдную ситуацию, которая к тому же имеет место в действительности? Поверит ли им читатель, не искушенный в тонкостях советского законодательства и не столкнувшийся с ним ни разу на практике?..

Хотя Анатолий, как не прописанный в Москве гражданин, не имеет права жить у своей жены, практически он мог бы там находиться почти постоянно, не нарушая закона: в течение трех суток отметка у паспортистки не требуется. Прожил в Москве (или где тебе надо) 72 часа – садись в электричку и уезжай «за пределы Московской области», возвращайся обратным рейсом – и отсчитывай новые 72 часа. Нелепо, зато согласно с законом.

Анатолий, уезжавший из Москвы всякий раз не на пару часов, а на двое-трое суток, закон не нарушил, однако схлопотал от милиции предупреждение. Мало соблюсти закон, надо еще иметь возможность доказать свою законопослушность, поэтому мы сочли за благо, ничего не нарушив, все же лезть к себе домой через окно, обмениваться условными стуками, темнить в разговорах со знакомыми по телефону и

² Для полноты картины следует добавить, что несколько миллионов провинциалов – «гостей столицы», приезжающих в Москву за продуктами и живущих у знакомых по неделе, а то и по месяцу, даже не догадываются, что преступают закон. Да и милиции недосуг требовать, чтобы каждый приезжий отметился у паспортистки, – это ж никаких кадров не хватит! Другое дело, когда появляется сверхзадача вот этого гражданина уличить, привлечь, подвергнуть, – дышло закона всегда под рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.